17 июля 1966 г. № 1[illegible] Советская Эстония
г. Таллин

В этом году Всероссийское театральное общество организовало для творческих работников сцены специализированную туристическую поездку в Англию. В числе туристов выехал за рубеж и эстонский режиссер Вольдемар Пансо.

Свои впечатления В. Пансо изложил в статье «Театральность Англии и английский театр». Сегодня с небольшими сокращениями мы публикуем эту статью.

Вольдемар ПАНСО

Театральность Англии и английский театр

КАК все мальчишки, выросшие у моря, я мечтал стать моряком и в пятнадцать лет чуть не стал им. Я учился тогда в классической гимназии. Как-то вечером к нам зашел знакомый моряк и сказал, чтобы я быстрей натягивал сапоги и следовал за ним, — корабль на рассвете уходит в Лондон, срочно требуется юнга. Через секунду я был одет, но тут в дело вмешался отец:

— Кончай сначала гимназию, а там делай, что хочешь.

Пауза. Слезы. Моряк ушел, ушел корабль, ушел, казалось, навсегда. Мысленно я поклялся отомстить отцу и, когда вырос, подарил ему моторчик к велосипеду...

Шли годы. В 1957 году я проплывал Па-де-Кале, вдали маячили меловые берега Англии. Увы, мы плыли мимо... Потом я побывал во многих странах, некогда сжатых железным корсетом Британской империи; той самой Британской империи, которую мы сейчас так весело высмеиваем в спектакле «80 дней вокруг света». В прошлом году по пути в Канаду я увидел у себя под ногами... опять Англию. Сверху, с самолета, она казалась зеленым, отлично ухоженным парком.

И вот в составе группы Всероссийского театрального общества я еду, наконец, в Англию. С тридцатилетним опозданием еду в ее туманы и дожди, мысленно благодаря покойного отца. Я хотел приехать туда юнгой, а приехал режиссером.

У себя в Таллине мы привыкли к дождям, туманам, ревматизму. В Англии это возведено в квадрат или даже в куб, дождь и туман во всяком случае. Моя сестра прожила десять лет в Лондоне, и ее совсем скрючило. После войны она переселилась на берег Тихого океана, в Канаду, и снова выпрямилась. Несмотря на это, английские дети ходят без чулок и с непокрытой головой, даже малыши разгуливают без пальто и шапок. Так их закаляют в туманах и сырых квартирах.

Детей много. Считается приличным иметь, по крайней мере, четверых, с двухлетними перерывами. Даже у королевы четверо детей. Старший сын королевы Чарли — будущий король — учится в народной школе в Австралии, пилит дрова, закаляется физически. Таков, оказывается, новый метод воспитания коронованных особ. Ничего не скажешь, время идет вперед. Теперь даже короли должны знать жизнь... как семьсот лет назад.

Королева — моя ровесница. Ей «за двадцать»... В Англии точный возраст женщины называют только до совершеннолетия. Потом говорят «over twenty» — за двадцать — и так до могилы. Получается так же туманно и мило, как у нас иной раз по поводу образования: незаконченное высшее.

В Англии все старо: замки, дубы, университеты, автобусы, традиции, церкви, трактиры, театры, мосты, законы, родословные и метро. Молоды только старики и, разумеется, актеры. Люди всю жизнь работают, копят деньги: сначала на свадьбу, потом — на старость. В старости деньги подсчитывают и, в зависимости от банковского счета, позволяют себе отдохнуть и попутешествовать. Потому-то в гостиницах Лондона, Неаполя или Москвы большинство английских туристов составляют седые, розовощекие господа и седые нарумяненные леди — респектабельные и тихие. Впрочем, держу пари, далеко не каждый англичанин в конце жизни попадает все-таки в Лондон, Неаполь или Москву.

В СОЛНЕЧНОЕ утро между Вестминстером и Уайт-Холлом можно встретить прогуливающиеся размеренным шагом чрезвычайно элегантные пожилые супружеские пары, принадлежащие к высшему обществу, — он с красным цветком в петлице, с зонтиком, одна рука, затянутая безукоризненной перчаткой, заложена за спину. Если котелок надвинут на глаза — значит, в прошлом он служил в гвардии. Биографии у стариков схожие: Итон, Кембридж, гвардия, биржа, пенсия. Кстати, в Англии не ходят под руку. Гуляют, держась за руки, как у нас дети. Младенцев носят на руках только мужчины. Целуются, как во всем мире. Только нет здесь парижского забвения пространства и времени.

Москвичей, приехавших в Таллин, удивляет традиционная эстонская сдержанность, одинаковая в театре, кафе или на базаре. Приехав в Лондон, я в свою очередь поразился тому, как молчаливы и дисциплинированны англичане — все равно, едут они в метро, работают ли в заводском цехе или пробираются сквозь водоворот уличного движения. Наследственная это черта или привитый воспитанием постоянный самоконтроль, не позволяющий человеку распуститься, — не знаю: но дисциплинированность англичан бросается в глаза, как умение не толкнуть другого в шумной сутолоке. А если все-таки толкнул, тут же раздается извиняющееся «sorry». Такого не услышишь ни в США, ни в Канаде.

И при всем том англичане — веселый, любящий шутку народ. Можно позавидовать английским актерам, видя, с какой легкостью заливаются люди смехом в театре, как жадно ищут они повод для смеха.

Чудеснейшее качество англичан — умение видеть трагическое через смешное и, что особенно важно, — умение посмеяться над самим собой. Это же свойство, кстати сказать, я заметил и у жителей эстонских островов. Быть может, это вообще в характере островитян?

У каждого народа свои легенды и свой юмор. Юмор англичан настолько своеобразен, что возникло специальное понятие — английский юмор.

Представьте себе, что среди дороги неожиданно заглох мотор. Водитель поднимает капот. Внезапно чей-то голос подсказывает: «Проверь карбюратор». Водитель оглядывается. Никого. На лугу одиноко пасется стреноженная лошадь. Он снова начинает копаться в моторе, и снова голос повторяет: «Проверь карбюратор». В третий раз то же самое. Водитель растерянно проверяет карбюратор, мотор заводится. «Кто мне подсказывает?» — восклицает потрясенный водитель. «Я», — спокойно отвечает лошадь. «Ты?! Где же ты научилась говорить?» — окончательно теряется водитель. «В Оксфордском университете», — хладнокровно отвечает лошадь.

Водитель близок к обмороку. Он должен купить эту лошадь, чего бы это ему ни стоило. «Или к хозяину — вон там дом под красной крышей, может, сторгуетесь», — советует лошадь. У водителя с собой всего семьсот фунтов; средняя лошадь стоит триста. Но ведь эта кончила Оксфордский университет! Неожиданно хозяин называет цену — двести фунтов. Водитель в полной растерянности: «Двести фунтов за говорящую лошадь!» — «Я давно хочу от нее избавиться», — флегматично отвечает хозяин. — «Но она ведь разговаривает!» — «То-то и оно, что разговаривает и все врет к тому же». — «Что же она врет?». — «Да, говорит, что кончила университет в Оксфорде, а сама там и не была ни разу!».

Все.

Английский юмор.

АНГЛИЧАН можно увидеть с очень интересной стороны, если встать утром пораньше и поехать на рынок, раскинувшийся у оперного театра «Ковент-Гарден». Этот рынок я узнал задолго до того, как приехал в Лондон, сначала в качестве актера, играя в «Пигмалионе» Бернарда Шоу, потом как постановщик мюзикла «Моя прекрасная леди». И вот я в Лондоне и пробираюсь за обшарпанные колонны церкви св. Павла, где профессор Хиггинс полвека назад изучал жаргон низших слоев Лондона. Худой рыжеголовый человек, его все зовут капитаном Джо, за шесть пенсов вручает мне чашку горячего кофе, пью его и разглядываю пеструю галерею типов, непрерывным потоком текущую в промозглом лондонском тумане. Кажется, сюда стекается весь Лондон и все то, что весь Лондон на протяжении дня с'едает, выпивает, выбрасывает, выговаривает, предает проклятию, высмеивает. А под зеленоватые своды цветочного рынка свезено все, что весь Лондон на протяжении дня продевает в петличку, ставит в вазу, дарит дамам, две трети этого буйного цветения остается еще и нераспроданным. Правда, цветочниц здесь нет, этот род занятий теперь прибрали к рукам мужчины. Но по-прежнему стоят тачки, как пятьдесят лет назад, когда Шоу писал «Пигмалиона». И угольщики, и нищие, и заканчивающие свой «рабочий день» проститутки и длинноволосые юноши, шулера, инвалиды, влюбленные парочки, неизвестно на что живущие художники — бородатые, с серьгой в ухе, и скупщики, спекулянты, и снующие между ними «белые воротнички» в котелках, с зонтиками и в желтых лайковых перчатках.

Трудно понять, о чем здесь говорят: первая половина слова не выговаривается, вторая — проглатывается, а издаваемый звук похож на нечто среднее между скрежетом металла и чихом. Понятно, почему мудрый Шоу привел своего профессора Хиггинса именно сюда! А одежда! Чего-чего тут только не носят! Такого не придумаешь за режиссерским столом. Рядом с хорошим английским костюмом можно увидеть перетянутый веревочкой обшитый рабочий комбинезон: тут же красный солдатский френч XIX века, кожаные жилетки, пестрые рубахи, джинсы, умопомрачительные головные уборы, ботинки, а то и просто босые ноги, месящие грязь и отбросы рынка. Жизнь кипит, бурлит и творит!

— Капитан Джо, пожалуйста, еще один кофе.

Кусочком самого что ни на есть настоящего театра выглядит и толкучка, куда нас повели в один из субботних дней. Всевозможнейшие костюмы, краски, звуки, запахи. Атмосферу создают антикварные ценности, старинные мечи и кинжалы, мелькание негритянских и малайских лиц, женоподобные юноши с волосами до плеч, визгливая музыка и навязчивый запах пива.

Оглушительная музыка привлекает к себе внимание — это веселые путешественники собирают деньги на дальнейший путь. Останавливается полицейская машина, два «бобби» в касках ныряют в людское море, о чем-то шепчутся с неграми. Перед пивной завязывается *драка между двумя длинноволосыми парнями. Они тянут друг друга за волосы, катаются в пыли*, кусаются, царапаются, как женщины. Слепой играет на баяне. И словно из другого мира прогуливаются великосветские леди, тщательно подбирающие антикварные предметы: такой покупки прислуге не доверишь! Старая веселая Англия любит все, что старо. А вот и полная противоположность почтенным леди — в открытой машине расселись лохматые девицы с неподвижными лицами — тинейджеры, юбки по последней моде на пятнадцать сантиметров выше колен. Юноша с такими же, как у них, пустыми глазами колотит по стоящему в машине пианино. Один из драчунов забирается в кузов и принимается зализывать раны.

Кто они и чего хотят?

НА УГЛУ Тоттенхэм Корт я останавливаюсь — здесь Элиза Дулитл продавала цветы. На Черинг-Кросс мистер Филеас Фогг начал свое восьмидесятидневное путешествие вокруг света. Мост Ватерлоо заставляет вспомнить одноименный фильм с участием Вивьен Ли. На Бейкер-стрит я разыскиваю дом номер 121, здесь некогда проживал Шерлок Холмс. На углу — покосившаяся антикварная лавка, сейчас из нее, кажется, выйдут диккенсовские герои. Знаменитая Бонд-стрит неожиданно оказывается совсем узкой улицей. На Бэйзуотер, где расположена наша гостиница, еще витает дух Форсайтов. А Гайд-парк с его роскошными укутанными в специальные пальто псами, овцами и купами деревьев, с галопирующими лошадьми и ораторами — от всего этого так и веет театральностью.

Внезапно тишину разрывают пронзительные крики, барабанная дробь, свистки и звуки трубы. По тротуару мчится странная группа девушек и парней. Их лица размалеваны и испачканы, на ногах чулки разного цвета, одеты они в лохмотья, на которые нацеплены перья, ленты, морские ракушки и бубенчики. Они тащат детские коляски, санки и тачки, увенчанные национальными английскими флагами. Они что-то выкрикивают и смеются. Толпа отвечает тем же. Спрашиваю у соседа, что все означает. Оказывается, студенты собирают деньги на благотворительные цели.

Тут крик и гомон перекрывает веселое церковное пение. На лужайке в строгих мундирах выстроились члены Армии Спасения. Концертино тянут мелодию, гитары отбивают ритм. Песня звенит, ширится, припев прямо-таки взывает к спасению души, можно подумать, что страшный суд наступит прямо не сегодня-завтра. В галерее Тэйта выставлены два больших полотна Стэнли Спенсера на тему о воскресении в последний день мира. Одно решено в трагическом плане, другое — в примитивно комическом. Мне особенно запомнились воскресшие дед и бабка, которые, вытаращив глаза, глядят друг на друга: опять те же лица, те же разговоры и те же ссоры. Так вот, Армия Спасения и напомнила мне это второе полотно Стэнли Спенсера. А может быть, в условиях Англии это и не совсем так. У нас в Эстонии в предвоенные годы Армия Спасения так и не смогла пустить сколько-нибудь глубокие корни. Она оказалась театральной для нашего по-крестьянски логичного образа жизни.

В ГОСТИНИЦУ я шел по берегу пруда Серпентин, где Шерлок Холмс некогда вылавливал трупы убитых...

Если у народа есть знаменитый Шерлок Холмс, должны быть знаменитые и те, против кого он борется, — преступники. Я не знаю статистики преступности в Англии. Помню только, что первое большое переживание моего друга-актера в Лондоне связано с тем, что его здесь начисто обокрали. Если судить по музею восковых фигур мадам Тюссо, где на верхнем этаже выставлены изображения двигателей прогресса, а в подвальном — тех, кто губил человеческие жизни, то их число почти уравновешивается.

История старой веселой Англии одна из самых кровавых, хотя войны и носили идиллические названия роз. В лондонском Тауэре по сей день демонстрируют топор и плаху. Нет дворца, где бы не убивали, нет дворцовой комнаты, где бы и сейчас не бродило привидение.

И кто знает, сколько королей, и особенно королев, отправилось в лучший мир с головой и без головы! В галерее Тэйта висит портрет датской принцессы Кристины, выполненный Гольбейном. Генрих VIII увидел этот портрет вскоре после того, как отправил свою первую жену на тот свет, влюбился и послал принцессе предложение руки и сердца. Мудрая Кристина вежливо ответила, что охотно вышла бы замуж за его величество, но, к сожалению, бог не наделил ее двумя головами!

Всем известно, сколько жизнелюбия и сколько крови в могучем творчестве Шекспира. У английского романа ужасов и детективного романа глубокие традиции. Конан Дойль, Эдгар Уоллес и Агата Кристи для Англии не случайные явления, а логическая цепь определенной традиции. Если *прибавить сюда оглушающую лавину всякого рода бестселлеров, можно подумать, что толпы убийцы и доблестные детективы неотъемлемы от старой веселой Англии.*

Признаюсь честно, я люблю хорошие детективные романы. Нравятся мне и старые замки и английский туман, с давних времен питающие этими историями человеческую фантазию. С мальчишеских лет я восхищался острым умом Шерлока Холмса, его безупречными логическими построениями. Как ни парадоксально, и в зрелом возрасте я люблю его, его образ оказался отличным примером режиссерского анализа. Я получал удовольствие, воплощая его образ в радиопостановках и читая о его приключениях на занятиях сценической речью. Право же, из своих детских впечатлений можно многое забыть или зачеркнуть, но не Шерлока Холмса.

Влияние искусства на человека удивительно могущественно. Есть образы, вошедшие в нашу жизнь со страниц книг так непосредственно и прочно, что кажется невероятным, что они — плод авторской фантазии. Хлестаков, Тоотс нашего Лутса, Аугуст Гамсуна, Гамлет, Шерлок Холмс, Том Сойер — скажите, что они не существуют в действительности, и запротестую не я одни. А ведь иные из окружающих нас людей живут и уходят, будто их никогда и не было.

Англия — *родина детективного романа. Поэтому не удивительно, что,* приехав в Лондон, я посетил бар Шерлока Холмса, стены которого украшены отпечатками пальцев и вещественными доказательствами: подковами, ножами и портретами Баскервильской собаки, а за стеклом, на верхнем этаже, комната знаменитого детектива: здесь лежат газеты, трубка, скрипка, на которой он играл, на вешалке пальто и клетчатая кепка. Сам Шерлок Холмс сидит в кресле, словно распутывая клубок чужих мыслей. Кто после этого решится утверждать, что Шерлока Холмса не существовало!

Не удивительно, что англичане любят детективные пьесы. Не удивительно, что именно такая пьеса, как «Мышеловка» Агаты Кристи, стала в Лондоне едва ли не самой популярной постановкой за последние пятнадцать лет. И не удивительно, что я пошел в театр «Амбассадор» смотреть ее. Эту пьесу играют из вечера в вечер с 25 ноября 1952 года. Небывалый случай в истории английского театра! «Мышеловка» идет на восемь лет дольше своего соперника мюзикла «Оливер». Ее смотрели два миллиона человек. Если бы все они встали в ряд, очередь растянулась бы от Лондона до Абердина. На протяжении четырнадцати лет пять ролей в этой пьесе исполняли восемьдесят шесть актеров. Дольше всех выдержала Мисси Монт в роли миссис Бойл. Начиная с 1955 года, она играет каждый вечер. Скажите после этого, что профессия актера — легкая. Конечно, в коммерческом успехе не так уж точно отражается успех художественный. Я сильно сомневаюсь, чтобы у нас «Мышеловка» пользовалась даже половиной того успеха, что в Лондоне. Во-первых, у наших театров нет традиций и умения так ставить и играть пьесу, и, во-вторых, у зрителей нет традиций и умения так сопереживать постановке-кроссворду. Она оказалась бы чуждой нашему образу мышления и нашему вкусу.

ЕСЛИ в основе старинного детектива всегда были ужасы, а в фокусе концентрировалась моральная проблема, если в конце романа добро непременно побеждало, а зло столь же неминуемо подвергалось наказанию, то сейчас в моде интеллектуальный детектив, где главное — ошеломляющая развязка. К этому и направлено внимание режиссера, ставящего модную детективную пьесу. Он обязан уметь точно расставить акценты, заставить отдельные сцены, диалоги, исповеди действующих лиц звучать так, чтобы зрители шаг за шагом подходили к раскрытию тайны, лежащей в основе пьесы, то приближаясь к ней, то отдаляясь от нее. Каждый новый персонаж дает новый повод для подозрений. Атмосфера постепенно накаляется до предела, в какое-то мгновение все действующие лица в глазах зрителей оказываются соучастниками преступления. В созданиях напряжения становятся определяющими пауза, мизансцена, звук, свет. Нелепая шутка какого-нибудь персонажа на секунду разряжает атмосферу вспышкой смеха, и снова бешено завинчивается напряжение. Кто преступник? Люди, захваченные анатомированием событий и характеров, словно решают запутанный кроссворд.

Жанр детектива требует от постановщика и от актеров наивысшей точности. На сцене нет ничего лишнего, ничего случайного. Точный ритм, точная пауза и культура речи высшего класса. После того, как молодой, энергичный детектив, как рентгеновским лучом, исследовал остальных героев спектакля светом своих сомнений, события принимают неожиданный поворот (разумеется, уже после многих других неожиданных поворотов) и подозрения падают на самого детектива. Заканчивается спектакль самым неожиданным образом. Актеры кланяются, исполнитель роли детектива, обращаясь в зал, просит зрителей написать в адрес театра, кто, по их мнению, преступник.

Все расходятся, горячо обсуждая, кто же все-таки преступник. Плыву с толпой по течению и, наконец, останавливаюсь на Черинг-Кросс у окна книжного магазина. *Углубляюсь в изучение обложек и вздрагиваю от того, что чей-то голос кричит мне прямо в ухо:* «Who was the murderer?». Оборачиваюсь, передо мной менеджер театра. «Не знаю, быть может, детектив?» — отвечаю я. Не говоря ни слова, менеджер исчезает в толпе. Кто преступник? Вопросы без ответа вообще типичны для Англии. В Стратфорде нам показывали дом, где родился Шекспир, школу, где он учился, дом, в котором он сосватал себе жену, церковь, где он похоронен, а потом сказали, что до сих пор не известно, был ли вообще Шекспир.

Разумеется, очень наивно делать выводы о театре чужой страны на основании случайно увиденных спектаклей. Но ведь мы были свидетелями многих гастролей англичан.

Создается впечатление, что английский театр — в первую очередь театр речи. Именно английские драматурги дали множество так называемых разговорных пьес, требующих от актеров умения в первую очередь блистательно вести диалог. В этом смысле было чрезвычайно поучительно и приятно посмотреть пьесу Бернарда Шоу «Никогда не знаешь» в Хеймаркет-театре. Несколько старомоден сам этот театр (основан в 1721 году, здание в современном виде выстроено в 182) году), *настолько же старомодны были и декорации и костюмы.* И неожиданно среди этой старомодности расцвел свежий, веселый, точный и очень стильный спектакль без единой случайной сцены, без единой неотработанной фразы или неосмысленного слова. Голоса актеров отлично поставлены. Мысль не приходится выуживать в потоке слов — она летит в зал, отточенная и изящная.

Пьесы Шоу играть трудно. Помимо таланта, они требуют навыка и культуры. И Шоу жестоко мстит за себя, если за постановку его пьес берутся люди, не обладающие достаточно острым умом и мастерством, доведенным до высшей простоты. Пьесы Шоу могут доставить зрителям огромное наслаждение, они способны и усыпить — все зависит от того, как их поставить. Парадоксальный ход его мыслей нужно заставить звучать. Его одухотворенная интеллектуальность, его лирика, поистине цирковым сальто-мортале переходящая в гротеск, — все это нужно уметь подать точно, отточенно, изящно. Актер должен обладать достаточной гибкостью и творческой смелостью, чтобы балансировать на грани высокого духовного под'ема и самого эксцентрического гротеска.

Именно это и определило успех спектакля, о котором я рассказываю. Да, если так заставить звучать Шоу, публика научится его ценить! Каждый драматург, разумеется, если он хороший драматург, требует своего ключа. Публика раскатисто хохочет, чтобы в следующее мгновение, затаив дыхание, страдать вместе с юношей, который берет руки девушки в свои и говорит: «Я люблю тебя». Пауза, соединяющая воедино сердцебиение всего зала, и вдруг неожиданный поворот — и зал взрывается бурей хохота. На языке актера говорят: «Публика была у меня в руках, я делал с ней, что хотел».

В английских театральных афишах имя, по крайней мере, одного актера, всегда печатается крупным шрифтом. Это значит, что он известен более других и соответственно лучше оплачивается. В спектакле Хеймаркет-театра таковым был Ральф Ричардсон. Об актере я читал и слышал раньше. В Англии нет звания заслуженных и народных артистов, как у нас. Очень немногие актеры за особые заслуги на британской сцене удостаиваются дворянского звания, и тогда к их имени прибавляется слово «сэр». Вместе с сэром Джоном Гилгудом, сэром Лоуренсом Оливье, сэром Майклом Рейдгрейвом титул сэра с 1947 года носит и Ральф Ричардсон. Его сорокалетний путь на сцене отмечен блестящими работами в пьесах Шекспира и Шоу. В тот вечер, о котором идет речь, он играл пожилого кельнера — роль, которая, казалось бы, не давала никакой возможности выделиться. Его появление на сцене было встречено аплодисментами. Если большинство актеров спектакля были подобраны по принципу типажности, то еле передвигающийся на подгибающихся от старости ногах обер Ричардсона был до последнего штриха смело задуманным и воплощенным характерным образом.

Пьесу Бернарда Шоу поставил известный английский режиссер старшего поколения Глен Байям Шоу. В 1958 году он посетил Советский Союз в качестве руководителя Шекспировского мемориального театра. Его постановки всегда отличаются ясностью, точностью, чувством ритма и одухотворенной простотой. Все это было и в спектакле «Никогда не знаешь». Но было и нечто другое!

Я не увидел ни одного плохого актера. Все двенадцать были на высоте и, играя, выкладывались на полную катушку, без остатка. Кстати сказать, это последнее качество я наблюдал во всех спектаклях англичан.

СОЗДАННАЯ в 1904 году сэром Бирбом Три академия, которую довольно солидно поддерживает не только духовно, но и материально Бернард Шоу, дала целую плеяду замечательных актеров. Среди выпускников — леди Сибил Торндайк, Вивьен Ли, очень талантливый молодой актер Питер О'Тул.

— Как, он тоже вышел из этого дома?! — восклицаю я.

— Питер, о да, наш Питер, сколько он нам крови попортил! — вздыхает заведующая учебной частью, с удовольствием затягиваясь советской папиросой, и, взглянув на мое недоумевающее лицо, громко смеется, — он же ирландец!

Из рук этой дамы вышло, наверное, много современных звезд. Ведь ей уже «за двадцать»...

Хотя мы попали в Лондон в день рождения Шекспира и одновременно в трехсотпятидесятую годовщину его смерти, ни один лондонский театр не ставил пьес своего великого сына. Только в Национальном театре Лоуренс Оливье играл своего нашумевшего на весь мир Отелло. Повидимому, четырехсотлетний юбилей Шекспира отмечался с таким шумом, что англичане не пришли в себя до сих пор. Что ж, такое может случиться даже в самой приличной семье!

Шекспир и Ленин родились в один и тот же день и поэтому мы отправились в посольство к своим. Дали концерт с многоязычной и пестрой программой. Кстати сказать, здесь неожиданно для меня главный режиссер Театра сатиры В. Плучек продемонстрировал блестящий талант конферансье. Этот вечер запомнится надолго! Но завтра — воскресенье. Мертвый день, когда англичанин надевает старый свитер или спортивный костюм, чтобы освободиться от тисков белого воротничка, и выезжает «на природу». Если у него (или у его приятеля) нет дачного домика, он останавливает свою машину у обочины дороги, открыв дверцу, съедает свой бутерброд и возвращается в каменное ущелье, называемое Лондоном. Дорогу обрамляют изгороди, за которыми начинается священная частная собственность, охраняемая магическим словом «private» — частное владение. Если вы собираетесь в Англию, запомните это слово! И не рассказывайте лондонцам, что иногда вы отправляетесь в лес, который никому не принадлежит, что этот лес полон белоствольных берез, и вы уходите так далеко, что уже не слышно посторонних голосов; что лес одурманивающе пахнет багульником и что вы собираете грибы — полную корзину; и что вы выходите к озеру, берега которого никому не принадлежат: что вы плещетесь в прохладной воде, не платя за это денег и не боясь штрафа; что на берегу озера вы зажигаете костер и поете песни, так что лес гудит; что в озере вы можете наловить раков и рыбы и остаться один на один с самим собой — пока, наконец, к вечеру не возвратитесь домой смертельно усталый и счастливый, как именинник.

Не рассказывайте этого лондонцам — им не понять.

В Голландии один знакомый рассказывал мне, что у него болезнь — тоска от невозможности побыть в одиночестве.

В АНГЛИИ все еще имеет силу старый-престарый закон, запрещающий зрелища в воскресные дни. Кино, правда, работают, ибо, когда принимали этот закон, кино не существовало. Воскресный день мы провели в Стратфорде. Предусмотренная по плану репетиция «Гамлета» не состоялась. Нам сказали, что заболел Гамлет, и показали четырехметровый призрак его отца, в корпусе которого «работали» два статиста: один крутил колеса, другой двигал челюсти из картона.

Вот и все.

Чудной Стратфорд — совсем, как английское воскресенье! В качестве компенсации за несостоявшиеся репетиции нас на следующий вечер отвезли в единственный театр лондонского Сити: его задний конец уходит прямо в Темзу и носит он поэтическое название «Mermaid» — Русалка. Играли две пьесы Мольера: «Мнимый больной» и «Скупой». Конечно, это не бог весть какое счастье смотреть в Англии Мольера. Играли в устрашающем темпе, скользя по поверхности событий и звонко отчеканивая текст. Кстати, стремительность темпа и беглое произнесение текста, предполагающее большую интенсивность мысли, представляется мне вообще характерными чертами английского театра. В определенные дни театры дают по два, так сказать, сеанса. Так было и в этот день. После двадцатиминутного перерыва снова «Мнимый больной» и «Скупой».

Четвертый год в «Виктория Палас» с большим успехом идет «Minstrel show» — «Черное и белое». Там я и провел свой последний лондонский вечер, до отказа наполненный смехом, и увез с собой хорошее настроение и чудесные воспоминания. У слова «шоу» нет утвердившегося в разговорном языке соответствия. Словарь дает целый ряд синонимов, но ни один из них не подходит: показ, выставка, видимость, внешний вид, представление, спектакль, передвижной театр, балаган, зоопарк и т. д. и т. д.

Шоу — просто шоу, как оперетта есть оперетта, и ракета есть ракета. А менестрели — белые исполнители негритянских песен, загримированные под негров. «Черное и белое» расхваливали, как самый красочный и динамичный спектакль в Лондоне. И действительно, здесь много красок и движения. Во-первых, все мужчины выкрашены в черный цвет, все женщины — в белый. Почему — неизвестно. Наверное, просто для того, чтоб шоу можно было назвать «Черное и белое». В представлении занято примерно двадцать пар. Они отлично движутся и хорошо поют, с удивительной быстротой меняют костюмы, один великолепней другого. Все шоу строится на старинных народных песнях, на негритянских спиричуэлс и музыке «шлягеров» из кинофильмов. Оживают и Ол Джонсон и его «Сонни бой», и Рудольф Валентино, и Чаплин, и Гарольд Ллойд. Звучат «Рамона», «Роз-Мари», «О, поцелуй меня еще». Когда исполняли «Аллилуйю», публика подтягивала. А в промежутке сольные выступления: имитатор знаменитых певцов, чревовещатель, акробаты на пружинящем матраце, пародия на телевизионную передачу и многое, многое еще. Исполнялось все это мастерски, с задором и юмором. Причем, разумеется, это был не немецкий и не французский юмор, а юмор английский, в котором сплелись гротеск, деловитость и пикантность, смягченная вообще очень свойственным англичанам чувством меры.

Представьте себе, каким ловким должен быть акробат, чтобы, подпрыгнув с пружинного матраца в воздух, как бы случайно потерять брюки и тут же в воздухе натянуть другие. Когда чревовещатель, поссорившись со своим другом — куклой, сломал ее, а потом долго, нелепо и очень старательно соединял части тела, публика гомерически хохотала. И опять я поражался точности и быстроте манипуляций. Да, в «Виктория-Палас» выступают актеры с мировыми именами.

При составлении программы англичане *принимают во внимание не всегда учитываемый нами психологический фактор:* дело не в том, сколько времени актер проводит на сцене, а сколько он может дать в выделенное ему время. Отсюда насыщенность, ритм и темп, умение ценить каждую секунду. Публике не оставляют времени на аплодисменты, артистам — на поклоны. Номер следует за номером. Постановщик знает, что лучшие аплодисменты те, которые останутся нереализованными до конца: они — зерно следующих. Так, неотреагированная радость сгущается перед последним занавесом, как воздушная подушка под крыльями мчащегося самолета, и взрывается под конец шквалом одобрения. Его прерывают шесть тактов английского гимна. Все встают. Конец. Это «шоу». Три с половиной растянутых часа уплотнились в два. Зал пустеет. Входят новые зрители. Начинается второй сеанс.

Конечно, не все «шоу» такие. Только те, которые выдерживают четыре года ежедневных представлений. Я видел именно такое. Меня могут спросить, а в чем был смысл смеха? Думаю, что смех сам содержит в себе смысл. Что же, это смех ради смеха, — скажут мне. Нет, смех ради жизнерадостности. Лучше будет сон, успешнее завтрашний рабочий день. Только с шуткой часто происходит грустная история: оказывается, она требует ужасно много таланта и недюжинного интеллекта.

ВОТ и промелькнули мои десять дней в Англии. Десять дней, каждый час которых был насыщен не меньше, чем минута в «Менестрель шоу». Выглянуло солнце. Оно прокрадывалось сквозь лондонский туман желтым исполином, как это с восхитительной выразительностью запечатлел на своих полотнах Тернер. Открытие таланта Тернера, великолепное собрание которого экспонируется в Национальном музее, было тоже одним из самых ярких событий этих десяти дней.

Самый большой колледж Кэмбриджа называется «Триединый». Он основан Эдуардом III. На большом прямоугольном дворе высятся старинные часы, которые каждый удар повторяют дважды — женским и мужским голосом. В полночь, пока бьют часы, студенты пытаются обежать двор. Пытаются на протяжении многих поколений. Но пока это еще никому не удавалось. Опыты продолжаются. Перед входом в столовую лестница из восьми ступенек. Перед каждой трапезой студенты пытаются одним прыжком взять все восемь. Удалось это пока только отцу Монтгомери. Попытки продолжаются. На реке тренируется студенческая команда гребцов — вскоре состоится очередное соревнование с Оксфордом. Только эта восьмерка имеет право ходить по ухоженной траве внутреннего двора. У моста Ньютона студент дает мне прикурить. Со студенческим театром он бывал в Москве и Ленинграде. Знает несколько русских слов. Влюбленная парочка целуется на деревянном мостике, сконструированном их давним-предавним соучеником сэром Исааком Ньютоном. Кто знает, кем станут они? Им нужно очень стараться, ведь у них было столько знаменитых предшественников. Бэкон, Барроу, Байрон и титаны духа с фамилиями, начинающимися чуть ли не на все буквы алфавита. Здесь учились и работали великие мужи и из других стран. Окно комнаты Эразма Роттердамского выходит во двор. А в Лондоне, на бульваре Перси, находится дом, где жил Ленин, — дом серый, с желтой дверью, в которую Ленин входил и выходил, когда работал в Британском музее. На Хайгейтском кладбище могила Маркса. В граните высечено:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Когда ходишь по величественным готическим соборам, склепы которых набиты прахом сынов Англии, особенно ясно ощущаешь, как много великих людей дал миру этот народ. Я не имею в виду Виндзорский кафедральный собор, там почивают короли — среди них были всякие. Рядом с гангренозной ногой Генриха VIII пристроили безголового Карла I. Тут же могила Генриха VI, убитого во время молитвы. Зато в Вестминстерском соборе погребены многие из тех, кто нес миру красоту, расширял горизонты человеческих знаний. Их здесь так много, что бедный Бен Джонсон похоронен стоя. Сам он якобы охотно на это согласился, решив, что в день страшного суда так будет легче побыстрей занять очередь к господу богу. В одном приделе сосредоточены люди искусства. Можно по могильным плитам сосчитать, сколько их было. А в центре — высеченный из камня Великий Неизвестный — Уильям Шекспир.

Глядя в окно улетающего домой самолета, я думал о том, что если бы этот народ дал миру хотя бы только футбол, бокс и Шекспира, то и этого было бы достаточно, чтобы назвать его многогранным и творческим народом. А если он еще...

Вот самолет и оторвался от этой странной театральной страны. Она остается внизу под ногами со своими пестрыми, как костюм Арлекина, островами.

Перевод с эстонского
Веры Рубер.